

Толпа шатнулась, глухо заворчала и плотнее надвинулась на узкое пространство, где лежал конокрад...

Александр Куприн, «Конокрады»

В кафе «Гнездо глухаря» они появились за сорок минут до встречи – Костя, которого прозвали Смышлёным за сообразительность, и особо опасный рецидивист Витя Чахотка. Эту пару хорошо знали бармены и официантки заведений, находящихся в начале Тверской улицы. Смышлёному было чуть более двадцати лет, и с седовласым и низкорослым Чахоткой они смотрелись как отец и сын. Никогда не имевший семьи и проскитавшийся в лагерях Витя Чахотка и правда уверовал, что этот смазливый и высокий парень приходится ему сыном, если и не родным, то наречённым. Они укрылись в дальнем углу и, как положено, в полдень опрокинули по сто грамм водки, заказав ещё по кружке разливного пива.

– Вить, а почему Викентия Павловича прозвали Футляром? – спросил Смышлёный.

– Да бог его знает, но только таких, как Кеша, днём с огнём не найдёшь. Старый вор. Кого ни спроси из пожилых, все знают, на всех пяти континентах. Это он к тебе благосклонен и дядей Кешей себя дразнить разрешает, но ты не переборщи с его расположением, – предостерёг Чахотка.

– Рассказывает он – заслушаешься. Особенно когда к нему в дом под Владимир ездили. И про воров, и про актёров, и про спортсменов, и

про певцов наших легендарных. Хотя будет что в старости вспомнить, если, конечно, жив буду, – рассмеялся Смышлёный.

В этот момент дверь открылась, и на пороге в лёгком пиджаке, кашне, летней кепке, надвинутой на лоб, и солнцезащитных очках появился дядя Кеша, или Викентий Павлович. Он сел к ним за стол, поздоровался и заказал себе сто грамм водки.

– Ну, когда они будут? – посмотрев в глаза, спросил он Чахотку.

– Палыч, с минуты на минуту должны появиться, – неторопливо проговорил Витя Чахотка, выпуская табачный дым из носа.

Как только Викентий Павлович опрокинул сто грамм водки и закурил, дверь открылась и вошли двое. Оба были высокого роста и поджарые. Только короткие волосы с проседью одного и лысая голова другого указывали на их возраст. После рукопожатия Чахотка представил Викентию Павловичу своих старых друзей – Олега Тубетейку и Колю Голова Босиком.

– Прохарчитесь с дорожки. Можно и по стопарю махнуть, – предложил Чахотка.

– Спасибо, братцы, но сейчас Успенский пост идёт, и мясного, рыбного и молочного мы не едим, а вот овощей, грибов, фруктов, огородной зелени сейчас изобилие, так мы и лакомимся. В народе Успенский пост Лакомкой кличут, – поведал Тубетейка.

– Ну, – широко улыбаясь, сказал Чахотка, – «расскажи, расскажи мне, бродяга, где растратил ты время своё».

– Разве, дорогой ты мой, всё вот так расскажешь? – с ответной улыбкой произнёс Тубетейка.

– Всё крадёшь? – всё так же весело задал вопрос Чахотка.

– Да по-разному. Вот летом мы с Колей всегда поближе к морю едем. В Крыму отдохнуть есть время и приглядеть, что и где отработать можно, а в другое время года в соседние области мотаемся. Всегда типа работу ищем, присматриваем, где и как легче лошадок увести, сколько и какая охрана, ночью приходим в нужный момент и отработываем.

– Много времени тратите на гастролы? – с нескрываемым азартом продолжал Чахотка.

– Как бог даст! Случалось и по несколько дней ждать удобного момента. Потом гоним к себе. Всё по уму: и машина своя есть, и документы от местного совхоза «Заветы Ильича». Хотя было так, что нас и замести могли, и пришлось нам по ночам верхом гнать, а днём заводить лошадей в лес или в пролесок отсыпаться. Но и это по мне, сколько крови выкипит, пока до дома доберёшься. Так что, пока нас легавые ищут по дорогам да грузовым машинам, мы полями да лесами айда домой. После нас только табак вынюхать можно. Коля – мастак такой ядрёный выбирать, что напрочь след отбивает. Богатства, конечно, нашим ремеслом никакого не наживёшь, но как без кражи жить? Соли нет в жизни. Пресно, – не унимался Тубетейка.

– Да, без азарта не жизнь. Не меняешься ты. Четверть века знаю тебя, но ты без дела, без скакунов своих, не живой и не мертвый. Вспоминаю, как в Белом Яре ты по ним скучал. Угрюмый ходил. Только они тебе и снились. Что стряслось? – уже без улыбки хрипловато произнёс Чахотка.

– Вы сами знаете, что всё вокруг перевернулось, и жизни этой понять нам, видимо, не дано, но выживать-то надо. Я хозяйство своё завёл. Дом выстроил, вот на пару с Колей, при нас и конюшня. Лошадок там держим, которые с дела пришли и отдачи своей дожидаются. Нас никто не беспокоит. Места заброшенные, только вот рядом церковь,

разрушенная имени Лошадников, давно ей урон нанесли, ничего не осталось, а фрески светятся. Всё как надо до поры до времени шло: и менты местные, и колхозники, и батюшка наш ко мне с уважением. Всем всегда помогаю. Но вот в последнее время поосвободились и с малолетки, и со взросляка деревенские ребяташки, и понятное дело, что сиживали они за бакланку, но гонора хоть отбавляй. Назначили мне стрелку, и я, конечно, приехал с Колей. Но у этих ни уважения к возрасту, ни к годам моим высиженным, я им про воровское, про то, как жить следует, а они мне всё своё: мол, ты фермер – и нам плати. Я им людей называю, о которых они по телевизору слышали или в зоне, а они мне своё. Послал я их куда подальше. Уехали мы промышлять, а когда вернулись, то забор у дома был снесён трактором, а лошадок и в помине нет, да и алабая моего Жасура застрелили.

– Хорошие дела, – медленно и с удивлением протянул Викентий Павлович.

– Ахалтекинца Гурида увели, а я его с Дагестана угнал, кабардинку Даханго (мы её Дашей называли) из республиканской конюшни увели, а там дежурство круглосуточное, решётки с запорами, овчарки кавказские – и всё равно отработали. Сейчас одна радость – араба Симгура пригнал. Я за таких лошадок жизнь готов отдать! – глаза Тюбетейки загорелись.

– Нелюди они, в них человеческого ни на грамм нет. Совсем оборзели. Что хотят, то и творят. Недавно деда с подводы скинули, чтобы кобылу забрать, – добавил Коля Голова Босиком.

– На что они им? – спросил Смышлёный, который всё время разговора рассматривал, как выглядит Викентий Палыч.

– Ты понимаешь, раньше лошадь крали как лошадь, она была интересна сама по себе. Сейчас не крадут, а грабят. Они на лошадок смотрят и что видят? Килограмм триста-четырееста мяса. Мне и в голову никогда не могло прийти убить лошадь. Мясники!

– У тебя там Миша Раскат смотрит? – спросил Викентий Павлович.

– Да, Миша, и знаю я его хорошо. Он с ними одного возраста почти и старался помочь как мог. С ним эти отморозки встречаются, а со мной не хотят, – злобно бросил Тюбетейка.

– Олег, а ты сам найти не пытался? – спросил Чахотка и продолжил: – Тебя же все там знают, сам говоришь.

– Пытался я найти, но разве сейчас отыщешь. Стопудово, они с опытными мясниками в створе, и если это так, а я уверен, что так, то между тем моментом, как живая лошадь войдёт в ворота бойни, и тем, когда о ней никто и никогда не узнает, пройдёт всего полчаса, и это максимум. Останутся шкура, ноги и голова, но если на бойне отлажена утилизация отходов, то ничего не найти. Но это не всё. Раскату они заявили, что если не будут иметь долю с моих дел, то со мной и Колей решат, как с моим псом, – с горечью ответил Тюбетейка.

– Костя, – обратился к Смышлёному Викентий Павлович, – возьми у моего брата, у Валика, телефон Миши Раската и так, без наезда, скажи, что до меня дошли вести о делах по лошадиной теме и что я ему поручаю решить все вопросы с этими мясниками. Но главное, ты до него донеси, что я вскоре приеду к нему, чтобы ждал меня и готовился к приёму.

Смышлёный в этот момент подумал: какой модный дед. Что ни говори, а этот лысый и голубоглазый урка выглядит эталоном столичного стиля, словно из Милана или Парижа неделю назад вернулся. Льяной

пиджак «Миссони», джинсы «Шервино», кашне из конопли и кепка от «Гуччи», очки «Том Форд» и мокасины...

– Когда ты, Олежек, нас пригласить готов? – миролюбиво спросил Викентий Павлович.

– Палыч, так я в любой момент! Сейчас Успенский пост идёт, а после него давайте – после Третьего Спаса, на Лошадиный день, – радостно сказал Тюбетейка.

– Это когда? – поинтересовался Чахотка.

– На Флора и Лавра, – сказал Тюбетейка. – Они же покровители лошадей, там три притчи есть о них. Святые эти колодцы копали, стены обвалились, и они заживо остались на дне, а через годы на этом месте забил родник. На водопой к нему пришёл хворый конь и выздоровел после того, как напился. Так люди начали пригонять коней к роднику. Потом раскопали это место и нашли невредимые мощи Флора и Лавра. Я и в конюшне всё как полагается обустроил.

– Что значит «как полагается»? Давай колись, – рассмеялся Чахотка.

– В конюшне у меня над яслями икона святых Флора и Лавра, а в старой разрушенной церкви на праздник Флора и Лавра батюшка наш служит и освящает просфоры, и я их скармливаю лошадкам, такие дела, – улыбнулся Тюбетейка.

– Основательно ты там устроился, – заулыбался Викентий Павлович.

– Все последние девять лет на воле на это ушло. Сейчас мы новый колодец вырыли, как раз приедете, закончим – и подземной водичкой вас угощу, пивом домашним, что на Лошадиный праздник варим, в баньке попаримся. Сразу как всё порешаем с нехристями, оставайтесь у меня. Живите, сколько хотите, – сказал Тюбетейка. – Жена моя рада будет, хоть и хворает последнее время.

– Что с ней, Олежек? – спросил Чахотка.

– Рак, – он помолчал и продолжил: – Ничего, говорят, сделать нельзя. Везил по врачам её, но говорят – поздно. Метастазы пошли. Месяц-другой – и вдовцом стану.

– Вы давно вместе? – поинтересовался Викентий Павлович.

– Я как пятёрку оттарабанил, гостил в Горьком, как только ему старое название вернули, и там, в Благовещенском монастыре, который восстанавливали, услышал, как местный владыка Николай ругал священников. Он им: «Вы, батюшки, так с церковными деньгами обращаетесь, что я стал думать, что у вас только одна извилина, да и та промеж ягодич». Я стоял слушал и от смеха прикрылся рукой, а девушка, которая мимо шла, меня одёрнула. Сказала, что если что и услышал не для своих ушей, то стоит забыть. Так я с Оленькой и познакомился. Потом она меня к церковной жизни приобщила. Пока восстанавливали Спасский Староярмарочный собор, я чем мог помогал. В основном разгружал или таскал чего скажут. Женщина там была, Алина Яковлевна, дочка сталинского наркома, которая хорошо владыку Николая знала и нами руководила, она мне про него много что рассказала. Говорила, что владыка сразу после школы в пулемётное училище попал, а через три месяца, в конце 1942-го, – на фронт. Сестра ему перед отправкой крест сделала, а маманя его и тётки после ухода стали читать Неусыпаемую Псалтирь, моля Бога, чтобы он вернулся домой живым. Владыка у Рокоссовского на Сталинградском фронте воевал. Потом на правом берегу Дона итальяшек кромсал, а после наводчиком ПТР был. Там его и покалечило. Владыка под артобстрел попал. Он с ребятами в окопе находился, в который снаряд попал, а его из окопа взрывной волной выбросило и засыпало. Так он

и лежал под снегом и землёй, а проходившие мимо санитары увидели торчавшие из земли ноги, подмётки сапог были срезаны, но пальцы ног ещё дергались. Его откопали – и в госпиталь. Пальцы ног были обмороженные и уже почернели. Вместо наркоза ему влили в рот кружку спирта и дали в зубы палку. Доктор на него навалился, чтобы тот не дёргался, а другой отпилил пальцы ног. Так он восемнадцатилетним пацаном стал инвалидом. Когда я слушал проповеди владыки, рассказы о Патриархе Тихоне и новомучениках, то всегда задумывался о его ногах. Слово ему дал, что завяжу. Хороший он был мужик. Настоящий. Он нас с Оленькой и благословил на венчание, – перекрестившись, закончил Тубетейка.

– Мой отец всю войну военврачом прошёл. Как они с мамой хотели, чтобы я на скрипке играл, – и Викентий Павлович замолчал.

– А мой в Будапеште ногу потерял и на один глаз ослеп, – добавил Чахотка.

– Я вот никого не помню, только стены детдома, – не остался в стороне Коля Голова Босиком, – и вся моя семья – это Олешек да Олюня.

– Я потом послушание нёс во Флорищевой пустыни, когда её возрождать стали, да только недолго. Привезли как-то в соседнюю деревню лошадей, и, что сказать, я их увёл, а потом взял Олю и на Владимирщину подался.

– Не удивил ты меня, – расхохотался Чахотка.

– Давайте так, – решил подвести итог разговора Викентий Павлович. – Костик пусть свяжется с Раскатом, и вы как раз на Лошадиный праздник туда поезжайте. Рож побольше с собой, и с мясниками жёстко, но не жестоко решите. Костя, ты усвой, что раньше времени булки никому вскрывать не надо, понимаешь?

– Как скажете, дядя Кеша, – засмеялся Смышлёный.

– Живите, люди добрые, коневой татьбой, фарта вам, а мне пора. Ты, Витёк, с Костиком ко мне завтра загляни, мне ассирийцы чан с голубцами, или долмой, как она там у них называется, привезли. Пообедаем вместе, – сказал напоследок Викентий Павлович.

Смышлёный проводил его на улицу. Перед уходом Викентий Павлович взглянул на золотые часы «Патек Филипп» и рассмеялся:

– Вот всё думаю об ассирийцах, а вспоминаю Славку: когда мне лет столько, сколько тебе, было, я с ним отказывался кошельки в автобусах и трамваях тырить, а он обижался.

– Почему? – заинтересовался Смышлёный.

– Из-за рубильника его – с таким носом, ему говорил, можно в общественный транспорт вообще не входить, и так срок навесят. Царство ему Небесное и пресветлый рай. Я умнее был, с футляром в трамваях промышлял. Господи, Господи, как мои папа и мама хотели, чтобы я скрипачом стал! Ничего не вышло... Не провожай меня, я дворами, у меня ещё встреча с нашим советским Фрэнком Синатрой, – бросил на ходу Викентий Павлович.

Смышлёный вернулся в кафе, и уже через двадцать минут они с Чахоткой прощались с гостями. На прощание Чахотка тихо пропел:

Выглянул месяц и снова

Спрятался за облаками.

На пять замков запирай вороного –

Выкраду вместе с замками!

На пять замков запирай вороного –

Выкраду вместе с замками!

Костя сделал всё, как велел Викентий Палыч. Созвонился с Мишей Раскатом, по-доброму поговорил с ним и уже предвкушал разговор при личной встрече.

На Третий Спас Чахотка созвонился с Тюбетейкой. Оставалось два дня. Рано утром Смышлёный заехал к Чахотке и, чтобы не тратить времени, позвонил из машины.

– Привет! – быстро кинул он.

– Привет, – прошептал Чахотка.

– Ты что, старый, спишь ещё? Давай выходи, я тут дождусь. Ребята на МКАДе ждут, там их и захватим. Давай скорее, пока пробок нет, – торопился Смышлёный.

– Поднимайся, – резко ответил Чахотка, и в трубке послышались гудки.

Костик быстро взбежал на четвёртый этаж. Дверь была открыта. Он зашёл.

– Ты чего? – удивился, увидев Чахотку в одних трусах, сидевшего на кухонном табурете.

– Раскат звонил. Чую, что падашь ты редкостная. Ночью Олега убили. Голову отрубили, а конюшню подожгли. Приехали менты и нашли только голову. Собака взяла след, привела к новому колодцу, там их с Колей и нашли. Закопали бродяг, а потом рассвет, и они драпанули, испугались, думали, что огонь всё охватит, но пожарные подоспели. Жена Тюбетейки в реанимации на тот свет ушла минут десять назад...

Когда отец Лавр, который нёс послушание в конюшне на монастырском подворье, рассказал мне эту страшную и удивительную историю, то в какой-то момент она вызвала у меня одновременно ужас и сомнения. Я внимательно вглядывался в серые глаза монаха, смотрел на его ухоженные, тёмные с проседью волосы, густую чёрную бороду, мозолистые ладони рук и думал, что в этом человеке больше никто и никогда не узнает Константина Светлова, которого улицы и подворотни столицы много лет назад окрестили Костей Смышлёным.